

69
61

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

РАССЕКРЕЧЕНО

СЕКРЕТАРИЮ ЦК ВКП/б/ -

тov. С Т А Л И Н У.

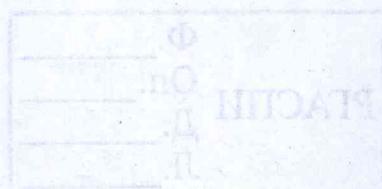
Направляю Вам заявление арестованного РЮТИНА М.Н.,
адресованное Президиуму ЦИК Союза ССР.

НАРОДНЫЙ КОММЕССАР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА С С Р-

Я.Н.БОЛ
БЕЖОВ /

11.11.36

№ 58562

ПРЕЗИДИУМУ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
СОЮЗА ССР.

Заключенного Внутренней тюрьмы
НКВД - М.Н. РЮТИНА.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

В настоящее время после отбытия почти пяти лет своего десятилетнего заключения я вновь НКВД привлечен к уголовной ответственности за то, что, во-первых, теперь отдельные места и выражения написанных мною в свое время нелегальных "документов" истолковываются ведущими следствие, как призыв к террору и, во-вторых, что на основе этих документов где-то якобы образовались и раскрыты правые террористические группы.

По существу предъявленного мне нового обвинения считаю необходимым сообщить Центральному Исполнительному Комитету следующее:

1. Я не признаю себя виновным ни в чем, кроме того, за что я несу уже длительный срок наказания. Я никогда террористом не был, не являюсь и не буду. Никогда террористических взглядов и настроений не имел и не имею. Нигде, никогда, никому никакого сочувствия террору не высказывал и относился к нему всегда враждебно. Новое "толкование" отдельных цитат из "документов", как террористических - является явно пристрастным и тенденциозным.

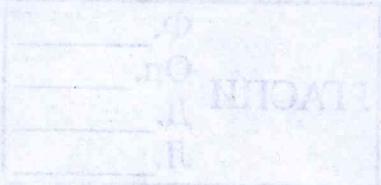
К этому считаю необходимым добавить, что от своих взглядов, изложенных в "документах", я уже четыре года тому

отказался. С тех пор ни к каким политическим партиям, группировкам и течениям не принадлежу. От всякой политической борьбы и политической деятельности навсегда отказался.

2. Я осужден (и приговор до сих пор никем не отменен) и отбыл почти половину своего заключения за всю совокупность своих взглядов, изложенных в "документах"; как-бы ни толковать эти "документы" или отдельные их места, за всю совокупность "документов", вплоть до последней строчки, до последнего слова, до последней буквы, за все это я уже осужден, приговор никем не отменен и новое привлечение меня к ответственности за эти же "документы" или отдельные их места и выражения является явно незаконным, произвольным и пристрастным.

3. Я осужден и отбываю уже пятый год наказания за всю совокупность своих действий (и за все их последствия), в том числе и за распространение "документов" и за все последствия этого распространения в виде возможности и образования на основе и под влиянием этих документов через месяц, через год, через пять, через десять лет после их распространения каких-либо нелегальных групп и ячеек. Новое привлечение меня к ответственности за те же действия и их последствия является явно незаконным, произвольным и пристрастным.

4. Ни одно уголовное законодательство, начиная с римского права и вплоть до наших дней во всех странах, в том числе и советское уголовное законодательство, не допускают привлечения к ответственности и наказания преступника два раза за одно и то-же преступление, хотя бы второй раз и под другим названием.

Самый факт вторичного привлечения меня к ответственности за тоже преступление, за которое я отбыл почти пятилетнее заключение, за те же самые "документы" или отдельные их места и те же последствия их распространения - является чудовищным. История судебных процессов и карательной политики Европы и Америки в течение последних столетий, насколько мне известно, не знает подобного чудовищного случая!

5. Статьи Уголовного Кодекса, по которым я был осужден, обнимали и обнимают несомненно всю совокупность совершенных мною преступных деяний и моих преступных взглядов, но в этих статьях не содержится никакого обвинения в терроре. Следовательно ни в моих "документах", ни в моих действиях не было и нет ничего "террористического". В противном случае на мне были бы применены другие соответствующие статьи уголовного кодекса.

6. Политбюро ЦК ВКП(б) во время моего дела несомненно знакомилось или по крайней мере его знакомили и с написанными мною преступными "документами" и со всей совокупностью совершенного мною преступления. И однако же Политбюро не нашло в них никаких данных для обвинения меня в терроре. В противном случае оно несомненно дало бы соответствующие указания Коллегии ГПУ и я был бы привлечен за террор. Я не был привлечен за террор, следовательно ни в моих взглядах, ни в моих действиях не было ничего террористического.

7. Коллегия ГПУ, осудившая меня на десять лет заключения, несомненно в свою очередь внимательно знакомилась с написанными мною нелегальными "документами" и тщательно изучала все мельчайшие детали моего дела. Она также не нашла в них ничего "террористического", иначе я был бы привлечен по

соответствующим статьям за террор. Я не был привлечен, следовательно в моих взглядах и действиях не было найдено и не было ничего террористического.

8. Начальник СПО ГПУ МОЛЧАНОВ, ведший надо мной следствие, опять-таки бесспорно изучал внимательно все мельчайшие детали моих "документов" и всего дела. Он также не нашел в нем никаких данных для предъявления мне обвинения в терроре и не предъявил его. Следовательно и это свидетельствует о том, что в моем деле не было ничего террористического.

А теперь тот же МОЛЧАНОВ по тем же документам или отдельным их местам, за те же действия (распространение документов и его последствия) предъявляет мне обвинение в терроре! Чудовищно!

9. Печать, газеты в течение ряда месяцев после моего дела вели по нему обстоятельную разъяснительную кампанию. Они действовали, не подлежит сомнению, на основе полученных директив и были достаточно осведомлены. Они также не нашли в моем деле никаких следов террора и не отмечали его. Неужели и они "слона то и не приметили".

10. Наконец, Президиум ЦИК СССР, как высший законодательный орган, контролирующий деятельность всех исполнительных органов власти, в том числе и ГПУ (НКВД), в порядке контроля также, бесспорно, знакомился с моим делом. Он также не нашел в нем инкриминируемого мне теперь обвинения в терроре. Иначе он дал бы соответствующим органам указание отменить приговор Коллегии ГПУ и предъявить мне новое соответствующее обвинение.

Таким образом самые высшие советские и партийные органы, самые авторитетные лица страны во всей совокупности моего дела не нашли ничего террористического и в том числе МОЛЧАНОВ, а теперь тот же МОЛЧАНОВ, по тому же делу, после отбытия мною почти половины своего десятилетнего заключения пред'являет обвинение в терроре!

На основании всего вышезложенного с полной очевидностью и бесспорностью следует:

Во-первых, что в моих взглядах, документах, действиях и во всей совокупности дела не содержалось и не содержит никаких данных нового обвинения меня в терроре и поэтому пред'явление подобного обвинения является явно незаконным, произвольным, тенденциозным и пристрастным.

Во-вторых, если бы в моем деле и заключалось что-либо террористическое (чего в действительности нет), то я за это уже осужден, ибо я осужден за каждую строчку и слово моих "документов" при каком угодно толковании, за каждое произнесенное мною слово, за малейшее свое действие, за каждый свой шаг по распространению "документов" и его последствия, каковы бы они не были, приговор не отменен, я отбыл уже длительный срок наказания и поэтому новое привлечение меня к ответственности за то же самоявляется опять-таки совершенно незаконным, произвольным и пристрастным.

По существу инкриминируемых мне вновь отдельных выражений из "документов", как призыва к террору я также смог убедительно, думаю, доказать явную пристрастность и *абсурдность* их нового "толкования". (Не случайно самые высшие пар-

тийные и советские органы, самые авторитетные лица и приговор Коллегии ГПУ не нашли в них ничего террористического), но я, к сожалению, крайне ограничен *месяцом*, так как мне, несмотря на все мои настойчивые просьбы, администрация тюрьмы, очевидно по указанию ведущего следствие, решительно отказалась дать бумаги столько, сколько необходимо и ограничила меня этим листком, и поэтому вынужден отказаться от этого желания.

На основании всего вышесказанного, будучи глубочайше убежден в своей невинности в том, в чем меня теперь обвиняют, находя это обвинение абсолютно незаконным, произвольным и пристрастным, продиктованным исключительно озлоблением и *жаждой новой* на этот раз кровавой расправы надо мной, я естественно категорически отказался и отказываюсь отдачи всяких показаний по предъявленному мне обвинению. Я не намерен и не буду на себя говорить неправду, чего бы мне это не стоило.

Ко всему сказанному в заключение считаю необходимым добавить, что самые методы следствия, применяемые ко мне, являются также совершенно незаконными и недопустимыми. Мне на каждом допросе угрожают, на меня кричат, как на животное, меня оскорбляют, мне, наконец, не дают даже дать мотивированный письменный отказ от дачи показаний, а разрешают написать только - "отказываюсь от дачи показаний", без всякой мотивировки, что явно преследует цель, получив такой немотивированный отказ, толковать его потом так, как будет наиболее выгодно ведущему следствие. Этим самым нарушаются самые элементарные права подследственного, ибо последний

имеет право писать любые письменные заявления, касающиеся его дела, следственным, судебным и законодательным органам власти. Все это вместе взятое граничит с вымогательством личных показаний.

На основании всего вышеизложенного я прошу Центральный Исполнительный Комитет СССР:

1. О защите меня, как заключенного, отбывающего уже длительный срок заключение и как человека от незаконной расправы надо мной, от незаконного нового привлечения меня к ответственности за то дело, за которое я несу уже наказание, с новым ~~сущим~~ и пристрастным его использованием и даче указаний соответствующим органам об отмене нового незаконно предъявленного мне обвинения и о возвращении меня в нормальные условия заключения для продолжения отбывания моего наказания.

2. О защите меня от дальнейших угроз, обращения со мной как с животным, оскорблений и криков, каким я подвергаюсь.

Я само собой разумеется не страшусь смерти, если следственный аппарат НКВД явно незаконно и пристрастно для меня ее приготовит. Я заранее заявляю, что я не буду просить даже о помиловании, ибо я не могу каяться и просить прощения или какого-либо смягчения наказания за то, чего я не делал и в чем я абсолютно неповинен. Но я не могу и не намерен спокойно терпеть творимых надо мной беззаконий и прошу меня защитить от них.

В случае неполучения этой защиты я еще раз вынужден буду пытаться защищать себя тогда теми способами, которые в

таких случаях единственно остаются у беззащитного, бесправного, связанного по рукам и ногам, наглухо закупоренного от внешнего мира и невинно преследуемого заключенного.

М.РЮТИН.

4/XI-1936 года.

Москва, Внутренняя тюрьма
особого назначения НКВД.

В е р н о :

А.К.Андреев